

Пантюхов Михаил Иванович

Тишина и старик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Иванович П.**
Тишина и старик / Пантюхов Михаил Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
225 с.

ISBN 978-5-521-27226-6

ISBN 978-5-521-27226-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Повѣсть по формѣ, „Тишина и старикъ“ по своему внутреннему содержанію является м і р о в о й сатирой. Для правильности пониманія моей повѣсти этотъ второй смыслъ ея слѣдуетъ имѣть въ виду.

Михаиль Пантюховъ.

Часть первая.

I.

Вечеръ былъ сырой и прохладный. Огромный кругъ башенныхъ часовъ блѣдно желтѣлъ въ темномъ воздухѣ. И какая-то птица одиноко крутилась надъ башней. И какіе-то люди шли мимо Юрія маленькими частыми шажками.

Въ назначенный часъ она подошла къ нему. Она шла быстро и какъ будто ничего не видѣла. Съ разбѣгу остановилась вдругъ около него.

— „Вы?“—зачѣмъ то спросилъ онъ.

— „Я, я“... Она прятала руки въ широкихъ рукавахъ пальто. „Да, я“.

Она какъ будто озябла — черная дѣвушка съ тонкими пальцами...—черная дѣвушка, глаза которой еще хранили тьму улицъ, которыя она только что прошла...— тьму длинныхъ улицъ съ ихъ лихорадочно влажными, веселыми и недобрыми огнями.

— „Вамъ не холодно?“

Она чуть-чуть качнула головой.—„Нѣтъ“.

Размѣренный грохотъ улицы зазвучалъ ликующимъ напѣвомъ въ ушахъ. Кидая впередъ тяжелыя ноги, бѣлый конь запряженный въ пролетку пронесся по мостовой. Буйствомъ и радостью сверкнули его круглые большіе глаза.

И міръ постепенно становился все болѣе и болѣе красивымъ. Юрій началъ улавливать пьянящій бурный ходъ жизни.

— „Почему вы не смотрите на меня, Женя?... Я никогда еще не видѣлъ вашихъ глазъ. Я видѣлъ ихъ только сбоку... Должно быть, необыкновенно красивы они... Женя!“

Тогда—мгновенно взглянула она на него. Глаза блеснули множеством пересвѣтовъ... И что-то билось въ глубинѣ ихъ. Какъ будто долженъ былъ онъ сейчасъ все понять,— все, что есть во вселенной... Но быстро опустились рѣсницы на ея глаза. И какая-то очень знакомая, чужая улыбка пришла на ея губы. Она шевелила правой рукой — то высовывались изъ рукава длинные пальцы, то снова прятались.

— „Не уходи, Жень!“ Нечаянно говорилъ онъ ей уже— ты. Она торопилась, она уходила. Ей надо домой... — ей непременно надо быть дома въ четверть девятого. Ее ждутъ. Она говорила торопливымъ голосомъ, и высовывались пальцы изъ рукава.

— „Вы, можетъ быть, сердитесь, что я называю васъ по имени и сказалъ вамъ ты... Жень!“

Она уходила...

Медленно тянутся мимо какія-то дроги. Человѣкъ въ темно-красной рубахѣ — точно залитый кровью — полулежитъ на нихъ... Какъ это не холодно ему въ одной рубахѣ?... Она ушла. Остался онъ тутъ одинъ. Отчего онъ не пошелъ за ней? Ему непременно надо было пойти за ней. А теперь — остался онъ одинъ.

И вотъ медленно сползаетъ красота со зданій города. Мертвые огни тамъ и тутъ... Какое странное лицо у этого... — вотъ того, что прошелъ сейчасъ мимо... — особенно глаза странные...—блестящіе, но не живые... точно ненастоящіе, а вставленные... И борода у него сѣдая, а лицо — румяное. И на щекѣ приклеенъ грязный четырехугольный кусокъ пластыря.

Онъ торопливо закуриваетъ папиросу.

Древній уютный огонекъ папиросы безшумно вспыхиваетъ, потомъ покрывается маленькой шапочкой изъ пепла. Холодѣютъ руки.

— Зачѣмъ я отпустилъ ее отъ себя?—Что теперь я буду дѣлать безъ нея?

Онъ быстро втягиваетъ въ себя табачный дымъ. Угрю-

мый тяжелый запахъ табака говоритъ о чемъ то безнадежномъ...—о человѣческихъ жизняхъ, запертыхъ въ тѣсныхъ комнатахъ, о безконечныхъ улицахъ, замкнутыхъ въ стѣнахъ...

Долго стоитъ онъ, не двигаясь. Потомъ поворачивается и идетъ къ себѣ домой. Знакомымъ кошмаромъ тянутся сѣрыя улицы... И вотъ—кончается городъ. Послѣднія черныя улицы со своими маленькими домами, прижавшимися къ землѣ... Онъ подходитъ къ одному изъ нихъ.

Скрежещетъ ключъ въ замкѣ двери. Отворяется дверь.

II.

Былъ праздникъ. На улицѣ горѣли рѣдкіе фонарные огни и чернѣли дыры оконъ и медленно двигались тѣла людей. И пугали эти тѣла — своей неуклюжестью и чернотой и громадностью... Тѣла брели по срединѣ улицы и жалась къ домамъ и внезапно возникали у самыхъ оконъ квартиры Юрія, пошатываясь и нескладно стуча сапогами.

Юрій чуть не закричалъ вдругъ — Женя! Или, можетъ быть, онъ даже закричалъ. По крайней мѣрѣ, эхо какъ будто отдалось въ углу комнаты...

Онъ отошелъ отъ окна, сѣлъ за столъ. Безсмысленно и долго смотрѣлъ онъ прямо передъ собой—на стѣну... Грозная тишина нависала надъ нимъ, и на мгновеніе представилось ему почему-то, что во всей вселенной существуетъ лишь онъ одинъ.

Онъ пугливо поднялся со стула. Опять кто-то прошелъ, пошатываясь, мимо окна... Не пойти ли ему къ ней? Но вѣдь его никто не звалъ туда, и онъ совсѣмъ не знаетъ ея семьи...

И тяжесть увеличивалась, и сталъ думать: не оставить ли ему мысль о ней и не попробовать ли снова сблизиться съ людьми?... О, какъ бы онъ хотѣлъ любить ихъ! И, едва

подумалъ онъ это, какъ представилось ему, что онъ сидитъ и играетъ въ карты и чокается съ какимъ-то толстымъ смѣющимся господиномъ... Что-то пугающе идиотское было въ этомъ представленіи, и онъ торопливо прогналъ его.

Онъ началъ думать снова о ней, а потомъ подошелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть на свое худое лицо съ втянутыми щеками. Глаза горѣли безумнымъ блескомъ, и двоились огни ихъ... Казались безнадежными всѣ его мечты о ней. Было очень тяжело.

III.

И вдругъ все стало такъ ясно и просто, какъ будто не было ни стѣнъ, ни улицъ, отдѣлявшихъ его отъ нея. Онъ поворачивалъ свою голову направо и налево, и такъ странно легко поворачивалась она, и такимъ страннымъ было все теперь здѣсь, въ этой комнатѣ.

Что изъ того, что говорилъ онъ ей ты, называлъ ее по имени? Странно, чтобы влюбленный говорилъ иначе! Что изъ того, что не приглашали его? Смѣшно, чтобы мѣшали ему такія случайныя преграды! Сегодня же онъ пойдетъ къ ней!

И, когда рѣшилъ онъ такъ, веселѣе сталъ горѣть огонь лампы, и подъ столомъ, подъ кушеткой, подъ кресломъ— тихо стали смѣяться вечернія тѣни... Въ сухомъ комнатномъ воздухѣ сонно закрутилась послѣдняя осенняя муха съ ласковымъ усталымъ жужжаньемъ старыхъ крыльевъ.

Онъ всталъ, надѣлъ на себя пальто и вышелъ.

Сильной рукой растворилъ онъ тяжелыя упрямыя двери большого стараго дома. Онѣ мягко захлопнулись за нимъ, затворяясь... И онъ поднялся по лѣстницѣ, и безшумно раскрылись предъ нимъ вторыя двери, и онъ вошелъ въ нихъ, громко стуча каблуками.

И, когда онъ прошелъ черезъ переднюю въ большую комнату, завѣшенную темными шевелящимися коврами, поднялся кто-то изъ-за круглаго стола. И еще кто-то. И еще кто-то.

Гдѣ это тутъ Женя? Онъ останавливается. Потомъ замѣчаетъ маленькаго кругленькаго старика и лицо его кажется ему почему-то знакомымъ. Онъ подходитъ къ нему.

Старикъ смотритъ веселыми глазами. Онъ, кажется, нисколько не удивленъ тѣмъ, что пришелъ сюда человѣкъ съ горящими двойнымъ огнемъ глазами.

— „Вы къ Женѣ?“—спрашиваетъ онъ.

— „Да“.

— „А я ея отецъ“—говоритъ старикъ невиннымъ голосомъ. Молчитъ нѣкоторое время. Потомъ киваетъ головой и говоритъ еще разъ тѣмъ же самымъ невиннымъ голосомъ: „А я ея отецъ“.

Потомъ вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, протягиваетъ ему руку, знакомитъ со всѣми.

Юрій пожимаетъ три старушечьи руки и одну обыкновенную. Затѣмъ—еще три...

Какія слабыя безжизненные руки... Когда онъ здоровался со старикомъ, то боялся, какъ бы не остались у него въ рукѣ стариковскіе пальцы... А у дяди Жени рука сжата въ кулакъ, и не можетъ онъ разогнуть ее какъ слѣдуетъ.

Старикъ ведетъ его въ другую комнату. Тамъ Юрій здоровается съ двумя маленькими присѣдающими дѣвочками и съ чьей-то холодной рукой около нихъ.

Они вернулись въ прежнюю комнату. Снова уходитъ старикъ...—бойко передвигаетъ по полу одну за другой свои короткія вялыя ноги. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ назадъ и привелъ длинную сухую женщину съ недовольными губами и съ взбитымъ на головѣ клочкомъ волосъ. Поздоровался Юрій и съ ней.

— „Садитесь, молодой человѣкъ!“ — говоритъ старикъ, смотритъ веселыми глазами, подмигиваетъ неизвѣстно по-

чему и замѣчаетъ: — „Впрочемъ, вы не такъ ужъ молоды“.

Юрій былъ еще молодъ, и ему почудился поэтому въ словахъ старика какой-то намекъ. Онъ заморгаль вѣками. Потомъ сѣлъ въ кресло.

Его взглядъ упалъ на портретъ, висѣвшій противъ него, на стѣнѣ—бритое лицо и немного раздувающимися ноздри. Онъ спросилъ у старика: „Это вашъ предокъ, вѣроятно?“.

Старикъ еще веселѣе чѣмъ прежде взглянулъ на него.

— „Предокъ“ крикнулъ онъ, кивнувъ головой.

И черезъ нѣкоторое время вторично кивнулъ головой и крикнулъ: „Предокъ“.

... Кто это сидитъ тутъ рядомъ съ нимъ... — съ рыжими усами?... Какъ глупо открывается у него ротъ... У него верхняя губа, кажется, не совсѣмъ подходитъ къ нижней, какъ крышка къ кастрюлѣ... Круглый значокъ на груди. Если судить по лицу, то можно подумать, что онъ получилъ этотъ значокъ за глупость.

Сухая женщина сказала болѣзненнымъ голосомъ: „А Жени еще нѣтъ“.

— „Да?“—спросилъ Юрій.

Сухая женщина медленно стала водить своимъ лицомъ сверху внизъ. Ей, кажется, хотѣлось еще что-то спросить, но она лишь задумчиво посмотрѣла на него и отвернулась.

Старикъ посмотрѣлъ на Юрія и потомъ спросилъ: „А скоро она придетъ“?

— „Скоро“—отвѣтили ему.

И снова все задремало — въ ожиданіи ея... Дремлютъ стѣны, дремлютъ кресла. И люди и огни—тоже дремлютъ... Мѣшается запахъ ковровъ съ запахомъ старой потрескавшейся мебели.

Все кругомъ молчитъ... Чей-то голосъ говоритъ нѣсколько словъ, и сейчасъ же, торопясь, тѣснящейся толпой уходятъ слова въ тишину. Потомъ снова громоздко связываются ненужныя скучныя слова и снова, разрозненные, уходятъ